

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И АКТИВИЗМ

УДК 327(73)+(4)

ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

П. Ю. Рахмиров

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь. ул.Букирева, 15
modhist@yandex.ru

Рецензия на монографию: Дж. Фонте. Суверенитет или подчинение: будут ли американцы править сами или ими будут править другие? Нью-Йорк, 2011. 449 с. Главная рассматриваемая проблема – конфликт между сторонниками филадельфийского суверенитета, моделью которого является США и сторонниками глобального правления (global governance), моделью которого является Европейский Союз. Этот конфликт представляет собой серьезную угрозу либеральной демократии и западной цивилизации в целом, поскольку является важнейшей предпосылкой американско-европейских взаимоотношений.

Ключевые слова: европейские интеллектуалы, российский либерализм, культура, отсталость.

Джон Фонте – заметная фигура среди американских консервативных интеллектуалов. Будучи по образованию историком (академические степени в университетах Чикаго и Аризоны), он наряду с историей разрабатывает проблематику международного права, а также образования. Внушительно выглядит список его публикаций на страницах консервативной периодики. Среди многих сфер приложения его интеллектуальных сил можно выделить Хадсоновский институт в Вашингтоне, где он является старшим научным сотрудником и директором Центра по изучению американской повседневной культуры. Он публикуется не только в американских, но и в зарубежных журналах и газетах, выступает на телевидении и радио. Его рецензируемая книга фигурировала под первым номером в списке бестселлеров «Амазон».

Предисловие к книге Фонте написано известным англо-американским консервативным публицистом Дж. О'Салливаном, который в свое время был советником М. Тэтчер и редактором «Нэшнл ревю». О'Салливан представляет читателям Фонте как «одного из немногих ученых – защитников идей суверенитета в противовес множеству ученых, публицистов, политиков, разделяющих идеологию глобального правления».

О'Салливан проводит параллель между книгой Фонте и знаменитым памфлетом Э. Берка «Размышления о революции во Франции». Подобно Берку, еще в 1790 г. предвидевшему ужасы революционного террора, Фонте и его единомышленники понимают, какие последствия сулит глобализация, сопряженная с угрозой формирования глобального правления. Причем трудно убедить сограждан в необходимости противостоять опасности, потому что поборники глобального правления уверяют, будто их цели в том же русле либеральной демократии, как и у их оппонентов. По словам О'Салливана, Фонте раскрывает логику трансформации либерального порядка во враждебного демократии Левиафана (с. XIV).

В отличие от либералов, приветствующих процесс глобализации и связывающих с ним свои надежды на будущее, консерваторы воспринимают его скорее как неизбежное зло, которое необходимо минимизировать. Есть и крайняя, изоляционистская, позиция, характерная для такого в значительной степени маргинального течения, как палеоконсерватизм. «Эта книга, – пишет Фонте в самом ее начале, – не выступает за какую-либо форму "крепости Америка", то есть за изоляционистский отказ от международных обязательств и ответственности» (с. XIX). Основной вопрос, по мысли Фонте, заключается не в том, чтобы принять или отвергнуть глобализацию, а прежде всего в том, «будет ли она интернациональной, базирующейся на суверенных государствах, или же транснациональной и наднациональной» (с. XIX). Отсюда и подзаголовок книги: «Будут ли американцы править сами или ими будут править другие?». «Эта книга, – пишет, завершая свой труд Фонте, –

доказывает, что американцы имеют моральное право сами управлять собой, как и все другие свободные народы и те, кто притязает на то, чтобы достигнуть или восстановить самоуправление». Он убежден, что его книга «объясняет, почему суверенное самоуправление в суверенном либерально-демократическом государстве-нации предпочтительнее любой формы глобального правления» (с. 369).

Можно сказать, что подход Фонте к исследуемой проблематике носит глобально-исторический характер. «В конечном счете, – утверждает он, – конфликт между демократическим суверенитетом и глобальным правлением относится к старейшим проблемам политики» (с. XXI).

Сторону глобального правления у него представляют Римская империя, империи Александра Македонского и Карла Великого, Священная Римская, Габсбургская и наполеоновская империи. На другой стороне – древний Израиль, Афины, греческие полисы, средневековые города Северной Европы, елизаветинская Англия, Голландская республика, Американская республика «отцов-основателей». Сегодня это прежде всего Соединенные Штаты, Израиль, Индия.

Идейным сторонникам глобального правления от Данте до Канта противопоставлен Локк, оказавший глубокое влияние на «отцов-основателей» США: «Философская база Декларации независимости многим обязана локковской защите самоуправления» (с. 24). Фонте выделяет четыре источника «интеллектуального влияния», способствовавших формированию американского самоуправления: теория естественного права и традиция Просвещения, особенно идеи Локка и Монтескье; «библейский нарратив» с упором на историю древнего Израиля; «классический нарратив» античных Греции и Рима; оппозиционная литература английских виггов-республиканцев XVII – XVIII вв. Среди героев, чтимых «отцами-основателями», – Катон, Брут, Цинцинат, Цицерон, а среди антигероев – Александр Македонский, Юлий Цезарь.

Поколение основателей было знакомо с трудами знаменитых правоведов, создателей международного права — Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Э. де Ваттеля. Гроций и Пуфендорф интегрировали международное право с точки зрения «права государств». «Подобно Локку, де Ваттель отвергал транснациональную власть в пользу национального суверенитета», – подчеркивает Фонте (с. 33). Все эти юристы были атакованы Кантом, поскольку полагали, что право принятия решений о мире и войне не принадлежит транснациональной власти, а находится в руках национальных государств. «Отцы-основатели, – утверждает Фонте, – создали систему правления по согласию с управляемыми, в которой решения по вопросам войны и мира наряду со многими другими принимались избранными представителями народа, а не транснациональными и интернациональными властями и институтами». «Национальный суверенитет, – заключает Фонте, – действительно сердце американского режима» (с. 34).

В столкновении либеральной демократии и сил глобального правления Фонте как с моральной, так и с политической точки зрения придает решающее значение тому, что он определяет как «демократический суверенитет». Его он именует еще и «филадельфийским» в противовес «вестфальскому», для которого «высшим обоснованием служит само государство» (с. XX). Американцы же исторически полагают, что источник их суверенитета определяется первыми словами Конституции, принятой в 1787 г. в Филадельфии: «Мы, народ Соединенных Штатов» (с. XX – XXI).

«Я отличаю, – пишет Фонте, – суверенитет самоуправляемого свободного народа от суверенитета вообще, которым обладают любые нации-государства, включая и недемократические, вроде Северной Кореи и Бирмы» (с. 36). Филадельфийский суверенитет означает, «что народ особой нации-государства представляет себя сам благодаря представительной демократии» (с. 37). Не случайно отцы-основатели усвоили классическое наследие и идентифицировали себя с героями-республиканцами, боровшимися против тирании: Катонем, Брутом, Цицероном, Демосфеном. Но они также осознавали различие между древними и собой. Античным республиканцам недоставало концепции естественного равенства всех человеческих существ, «которая заложена в сердце американской Декларации независимости» (с. 37). У древних не было понятия «индивидуальные права». Либеральными они не были. «Мэдисон, Гамильтон и другие основатели, – напоминает Фонте, – были согласны в том, что античная модель демократии недостаточно охраняет свободу и республиканское правление» (с. 38). Они же хотели создать долговечный республиканский режим, избегнув провалов и ошибок древних.

И это им удалось. Свидетельством тому служат попытки транснационалистов разного рода представить дело таким образом, будто «глобальное правление согласуется с идеалами отцов-

основателей» (с. 347). Если же в Декларации независимости и говорилось, что американская независимость и главные политические принципы универсальны, то имелось в виду суверенное право народов наций-государств самим избрать свою судьбу, а также самим защищать свои права и свободы. «Наша свобода, – настаивает Фонте, – никогда не будет гарантирована международными соглашениями и глобальными нормами, а только независимой военной силой и, что особенно важно, волей использовать ее для защиты нашего самоуправления» (с. 351). Демократический суверенитет – не только фундаментальная предпосылка независимости нации-государства. «Без демократического суверенитета нет функционирующей либеральной демократии», – таков жесткий вердикт Фонте (с. 352).

В современном мире защитники филаделфийского суверенитета сталкиваются с серьезной угрозой со стороны поборников глобального правления. Их главной целью является реализация проекта создания глобального политического сообщества, которое должно быть выше наций-государств, в том числе Соединенных Штатов. Фонте предостерегает от недооценки сил и возможностей сторонников подобного проекта: «Силы глобального правления, как интеллектуальные, так и материальные, уже являются значительными акторами на мировой арене и представляют собой важный фактор глобальной политики» (с. XX).

«Подъем современного транснационализма преобразует политический мир и придаст новую жизнь вековой мечте о глобальном правлении, мечте Александра Великого, Данте, Священной Римской империи, средневековой церкви, Иммануила Канта, Герберта Уэллса, Альберта Эйнштейна и многих других», – констатирует Фонте (с. 159). Однако глобальное правление не равнозначно «мировому правительству». Скорее оно должно быть неким подобием Европейского Союза, где **сформировалась** «сеть наднациональных административных и регулирующих институтов, наделенных властными правами над определенными сферами прямого влияния на граждан наций-государств, не будучи им сколько-нибудь серьезно подотчетными» (с. 160).

Партия сторонников глобального правления (так ее называет Фонте) весьма велика и многообразна. «Значительная часть идеологической энергии и активистского энтузиазма ради проекта глобального правления исходит от прогрессистской левой западной политики», – отмечает автор (с. 160).

Эту сторону он характеризует как «транснациональный прогрессизм». Его представители бросают вызов главным элементам либеральной демократии: либерализму и нации-государству. Они – приверженцы мультикультурализма, критической теории, они ставят права группы выше индивидуальных прав, этническую идентичность и глобальную солидарность – над национальной идентичностью, равенство результатов – над равенством возможностей. «Идеологическое сердце» повестки глобального правления, по Фонте, «вера в универсальные человеческие права, определяемые международным правом и легитимизируемые наднациональными институтами» (с. 160–161).

Наряду с левыми социальную базу «транснационального прогрессизма» составляют представители политического центра и правые. Но одной только идеологии недостаточно для успеха политико-социального движения. Немалую роль играют и материальные интересы. Ими руководствуются прежде всего «транснациональные прагматики». Проект глобального правления – элитарное политико-социальное движение, имеющее мировое влияние. Фонте так рисует его базис: американские и другие западные университеты, юристы-международники, неправительственные организации, американские фонды, международные организации (ООН и др.), ЕС, всякого рода «недовольные», скопившиеся в нациях-государствах», постмодерные нации-государства (с. 162).

Особый упор Фонте делает на роль американских и европейских университетов, которые, по его мнению, стали уютным домом для транснациональных прогрессистов, ткущих свою интеллектуальную глобалистскую паутину. Если Джордж Вашингтон в 1790 г., предлагая создать национальный университет, ставил целью усиление американской национальной идентичности, то современные американские университеты по своим программам являются скорее не американскими, а глобалистскими институциями (с. 163). Еще более жесткие упреки раздаются в адрес юристов, особенно специалистов по международному праву, которые, как утверждает Фонте, способствуют «возрастанию масштаба и уровня глобального законодательства» (с. 163). Но, пожалуй, сильнее всего достается от автора неправительственным транснациональным организациям, в которых бывший генсек ООН Кофи Аннан видел представителей «глобального гражданского общества». На взгляд Фонте, неправительственные организации, в частности, «Хьюмен райт вотч», «Амнисти

интернешнел», настроены против наций-государств, особенно против Израиля, занимают проарабскую позицию.

Эти неправительственные американские организации, убежден автор книги, представляют собой «идеологический и активистский авангард партии глобального правления, чья цель – учреждение новых форм транснациональной власти, а не сохранение американского демократического суверенитета» (с. 237). Если же оценивать их деятельность в зонах военных действий, то они «менее озабочены спасением жизни гражданских лиц, нежели установлением транснациональных законов и подчинением наций-государств (особенно американского Гулливера) тем глобальным правилам, которые сами же эти неправительственные организации помогают создавать» (с.237). С Израилем они считаются гораздо меньше, чем с американским гигантом, подвергая критике израильскую антитеррористическую политику и даже противодействуя ей. На Израиле эти организации и Международный криминальный суд оттачивают политическое оружие против суверенных наций-государств: «Сегодня их мишень – Израиль, завтра – Соединенные Штаты» (с. 298).

Элитарный компонент партии глобального правления представлен «транснациональными прагматиками». Здесь и элита ООН, транснациональные институты (Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и др.). В этот круг входят и глобальные корпорации, прежде всего американские. Все транснациональные прагматики ассоциируются с ежегодным форумом в Давосе. Еще десяток лет назад С. Хантингтон описывал американскую корпоративную элиту как «экономических транснационалов», «зарождающийся глобальный суперкласс». «Новым суперклассом» уже со всей определенностью называет их другой американский автор – Д. Роткопф (с. 169).

Говоря о многоликости поборников глобального правления, Фонте отмечает, «что среди них люди со схожим образом мыслей и политическими ценностями, однако существуют также внутренние разногласия по поводу целей и тактики их достижения. Имеются умеренные и радикальные элементы, есть и соперничество» (с. 163). Отнюдь не всем лидерам американского «большого бизнеса» присуще «транснациональное политическое сознание». «Некоторые компании, такие как "Боинг" и "Локхид Мартин", стали символом американского патриотизма в эру после 11 сентября» (с. 170). Впрочем, это вполне объяснимо, поскольку они являются столпами американского военно-промышленного комплекса.

Моделью глобального правления Фонте считает ЕС. В нем он видит новый тип правящего института, чья особенность в том, что он – не правительство и не государство: «Теоретически он – транснациональный институт, наделенный властными полномочиями нациями-государствами по договору». В то же время на практике «судебные и исполнительные органы ЕС принимают законы и правила, которые осуществляют власть над нациями-государствами». Не будучи наднациональным европейским правительством, продолжает свою мысль Фонте, ЕС «во многих политических сферах осуществляет "наднациональное правление" с судебной и административной властью над нациями-государствами» (с. 124).

Фонте цитирует видного британского дипломата, «европеиста» Ф. Купера, который назвал ЕС «сознательной и успешной попыткой выйти за пределы национального государства» (с. 129). С созданием ЕС, по Куперу, началась новая эра в мировой политике, «эра постмодерна». Она характеризуется возникновением транснациональной системы, которая отличается от международной системы, доминировавшей от Вестфальского мира до конца холодной войны. «Постмодерная глобальная идеология, – транслирует Фонте мысль Купера, – отвергает соперничество наций-государств, политику баланса сил, исключительно национальный суверенитет, разделение между внешней и внутренней политикой». Этот новый порядок предполагает приоритет транснационального права над национальным, взаимозависимость наций-государств, ограничение суверенитета, а ООН в качестве «окончательного арбитра по вопросам войны и мира» (с. 129).

Фонте не может не поставить вопрос: «Почему европейские элиты приняли транснациональный правовой режим?» Какими мотивами руководствовались европейские суды, политики, корпоративные лидеры, принимая переход от национального демократического суверенитета?» (с. 136). Есть своего рода официальное идеологическое объяснение: «Вера в европейский идеал мира, гармонии и универсального права, отказ от национализма во всех его формах, убеждение в том, что только объединенная Европа сможет предотвратить вспышку новой войны на континенте, реализация мечты Канта и Монне о транснациональном правлении» (с. 137).

Однако есть и более прозаическое объяснение, которое, как замечает Фонте, можно найти в «социально-научных исследованиях». Имеются в виду мотивы, базирующиеся на более осязаемых материальных интересах. Наиболее заинтересованными, полагает Фонте, оказались европейские судьи, бюрократы, корпорации, социальные активисты. Перед одними из них открывались новые заманчивые карьерные перспективы, перед другими – деловые возможности. Расширилось поле деятельности для интеллектуальной элиты. Особенно велика была роль судейской бюрократии, с готовностью принявшей приоритет законов ЕС. Благодаря им «бюрократическая политика» стала одним из важных моторов правовой интеграции Европы.

Европейское сообщество, по мнению американского ученого, вступило в «постлиберальную» фазу, которая страдает «дефицитом либерализма». Под ударом оказались два традиционных либеральных принципа: равенство граждан и свобода слова. И это явилось следствием ответа европейской элиты на масштабную мусульманскую иммиграцию. Прежде всего имеется в виду продемонстрированная готовность далеко зайти в уступках (в том числе институциональных) исламским иммигрантам. Что же касается свободы слова, то Фонте приводит примеры с Г. Вилдерсом, О. Фалаччи и Б. Бардо, которые подверглись обвинениям в разжигании исламофобии (с. 150-153).

«С философской точки зрения, – пишет Фонте, – ЕС – новый тип режима, новый тип политического субъекта, стоящего над нацией-государством и за его пределами». Многие европейские национальные государства добровольно уступили значительную часть своего суверенитета ЕС. При этом «сдача суверенитета происходила по большей части без явно выраженного согласия граждан европейских наций-государств (с. 178).

Долгие годы США одобряли европейскую интеграцию и усиление власти ЕС за счет демократических наций-государств. Однако, бьет тревогу Фонте, уже давно настало время отказаться от такого курса: «Чем больше европейская оборонная и внешняя политика решается на уровне ЕС, а не национальных государств, тем меньше та поддержка, которую европейцы могут предложить американцам (с. 353). Несмотря на Лиссабонский договор, «идейно-политическая битва в ЕС между сторонниками наднациональной федерации и демократического суверенитета далека от завершения». Кризисы, обусловленные проблемами экономики, безопасности и иммиграции, продолжают сотрясать ЕС. «Сопrotивление Брюсселю может сильно возрасти», – не без оснований надеется Фонте (с. 354). У США, считает он, нет никаких принципиальных причин, чтобы препятствовать попыткам европейских наций-государств восстановить свой демократический суверенитет. Во всяком случае, американский внешнеполитический истеблишмент, рекомендует Фонте, «должен покончить с рефлексивной поддержкой дальнейшей интеграции Европы» (с. 355).

В начале XXI в. либеральная демократия в целом и американское нация-государство в особенности, на взгляд Фонте, сталкиваются с тремя серьезными оппонентами на глобальной шахматной доске: радикальным исламом, растущим автократическим Китаем (иногда в паре с ним упоминается Россия) и силами глобального правления. При этом первые два признаются как угрозы, хотя и не всегда открыто, третий же – в неизмеримо меньшей степени (с. 341). Таким образом, по глобальной диспозиции Фонте, две угрозы для Америки и либеральной демократии в целом являются внешними. Что же касается угрозы со стороны партии глобального правления, то она «внутренняя, исходящая из лона демократического мира». Вновь описывая состав партии глобалистов, Фонте не преминул отметить, что они «рассматривают себя как сторонников демократии» (с.342).

Лейтмотив книги Фонте звучит так: «Демократический суверенитет и глобальное правление представляют собой несовместимые мировоззрения и будут находиться в состоянии идеологической борьбы в течение двадцать первого века» (с. 183–184). Это конфликт на основе фундаментальных принципов, и он будет лишь углубляться. Он сохранится и после ухода Б. Обамы, настаивает автор, видимо, надеявшийся, что 44-й президент не будет избран на второй срок. Но даже при республиканской администрации, по его убеждению, останется угроза того, что «представляющие корпоративные интересы транснациональные прагматики ради краткосрочных материальных выгод смогут поступиться демократическим суверенитетом (с. 193–194).

О том, насколько серьезно оценивает Фонте угрозу либеральной демократии со стороны партии глобального правления, красноречиво свидетельствует такое его высказывание: «Фрэнсис Фукуяма довольно убедительно предсказывал, что трудно вообразить будущего идеологического соперника с универсальной притягательностью, который мог бы нанести поражение либеральной демократии, но если либеральная демократия пьет из кубка глобального правления, она отравится

сама» (с. 345).

Заключительная глава книги озаглавлена «Самоубийство либеральной демократии?» Это самоубийство может растянуться по времени, подобно тому процессу трансформации либерально-демократических наций-государств Западной Европы «в государства, подчиняющиеся наднациональному правовому режиму ЕС» (с. 345).

«Столкновение между глобальным правлением и демократическим суверенитетом, - подчеркивает Фонте, - моральная борьба по фундаментальным принципам правления и политики. Различия между этими двумя видениями политической жизни непримиримы» (с. 358). В данном случае нет почвы для компромисса. Позиция Фонте предельно ясная и жесткая: «Конфликт между американской конституционной демократией и силами глобального правления - борьба с нулевой суммой» (с. 359).

Для либеральной демократии в проекте глобалистов таится смертельная угроза. Сам И. Кант, на идеи которого опираются поборники глобального правления, предостерегал, что Всемирная федеративная республика может превратиться в «бездушный деспотизм» (с. 364). Ссылается Фонте и на суждение известного политического философа Л. Штрауса о том, что «универсальное гомогенное государство» чревато угрозой превращения в тиранию (с. 364).

С позиции демократического суверенитета Фонте рассматривает и такую обострившуюся в современном глобализованном мире проблему, как иммиграция. Для США она имеет и глубокую историческую подоплеку, поскольку сами американцы - нация иммигрантов. Подход Фонте предельно ясен: «Философский базис модели демократического суверенитета - демократическое согласие, включающее моральное право демократических наций-государств определять свою собственную иммиграционную политику без вето наднациональных или транснациональных властей» (с. 311-312). В американском конкретном варианте подразумевается право выбора между двумя моделями: патриотической и «мультикультуралистской».

Естественно, демократический, или филладельфийский, суверенитет предполагает «патриотическую интеграцию иммигрантов в политическую и гражданскую культуру демократического национального государства» (с. 312). В Америке изначально неодобрительно относились к двойному гражданству, неоднозначной лояльности. Фонте перечисляет пять типов интеграции: экономическую, лингвистическую, культурную, гражданскую и патриотическую. Все они необходимы, но без последней они недостаточны. Именно патриотическая интеграция имеет решающее значение для долговечности американской демократии. За нее выступали Вашингтон, Адамс, Джефферсон, Гамильтон, Рузвельт, Вильсон и другие лидеры США, ее суть такова: «политическая лояльность и эмоциональная приверженность Американской республике» (с. 318). Далее Фонте приводит слова Линкольна о том, что иммигранты должны стать «кровь от крови, плоть от плоти тех людей, которые писали Декларацию независимости». Обычно это именовалось американизацией.

Подобного курса придерживалась в прошлом американская элита. Такой подход доминировал в общественном мнении. Теперь общественное мнение расколото. Прежде всего, это обусловлено позицией элиты, которая заключается в поддержке непрерывно возрастающей иммиграции, исходя из того, что интеграция будет происходить естественным образом. Позиция народного большинства противоположная: «Снижать текущий уровень иммиграции и требовать патриотической ассимиляции» (с. 329).

Большая часть американских элит, по утверждению Фонте, «узко сфокусирована на достижение краткосрочных выгод». Правая элита прежде всего руководствуется своими бизнес-интересами, стремясь быстрее заполучить дешевую рабочую силу. Что же касается левой элиты, тоже мало помышляющей в долгосрочном плане, то она видит в массе рабочих низкой квалификации свой электоральный ресурс. Фонте упрекает американские элиты в том, что они мало думают о проблеме ассимиляции иммигрантов, предпочитая двигаться по пути мультикультурализма.

Особенно это сказывается в сфере образования. Государственные бюрократы из этой сферы, пишет Фонте, говорят, что нам нужно больше «тренеров по культурной компетенции», двуязычных специалистов, мультикультурных учебных программ, преподавателей и учебников из Мексики» (с. 331). В результате изучение истории способствует развитию мексиканского национализма за счет американской национальной идентичности. «Трудно вообразить Теодора Рузвельта, импортирующего учителей и учебники из Италии, Германии, чтобы учить детей итальянских и немецких иммигрантов в наших публичных школах», - комментирует Фонте такой образ действий (с. 321). Он

предостерегает от последствий мультикультуралистского образования, в рамках которого этнической групповой принадлежности отдается предпочтение перед американской национальной идентичностью» (с. 322).

Между тем у большинства американцев, утверждает Фонте, сохраняется вера в свою национальную идентичность. Для доказательства этого он оперирует, в частности, данными опроса службы Харриса за июнь 2008 г., в соответствии с которыми 83% опрошенных верят, что у американцев «уникальная национальная идентичность, базирующаяся на общности верований, ценностей и культуры». Из них 63% обеспокоены тем, что национальная идентичность становится слабее (с. 334). Другой опрос свидетельствует о глубоком разрыве между американской публикой и элитой: 60% опрошенных рассматривают современный уровень иммиграции как «критическую угрозу жизненным интересам США» и только 14 % согласны с элитами (с.331).

Фонте обращает внимание на принципиальную связь между мультикультурализмом и транснационализмом. Оба эти явления создают экзистенциальную угрозу для Соединенных Штатов. В результате иммиграции без ассимиляции Америка может превратиться в «сеть диаспор». Действительно, соглашается Фонте, американцы – нация иммигрантов, «но более точно нация ассимилированных иммигрантов», и потомков поселенцев с лояльностью и моральным долгом по отношению к Соединенным Штатам Америки (с. 340). Ключ к разрешению иммиграционной проблемы Фонте видит в предложенном в середине 1990-х г. плане Барбары Джордан, главы Комиссии по иммиграционной реформе. В этом плане предполагалось привести количество иммигрантов в соответствие со способностью страны их ассимилировать: «Подобно былым американским лидерам план Джордан открыто требовал американизации иммигрантов» (с. 338).

Консервативная политическая идентичность Фонте не вызывает ни малейшего сомнения. Для ее подтверждения с лихвой могло бы хватить даже предисловия Дж. О'Салливана. Но самым убедительным тому подтверждением служит сама книга американского автора. Ее политико-философский базис, трактовка политических, правовых, культурных аспектов современности вполне укладываются в рамки американского консервативного дискурса. При этом они ближе всего к позициям традиционалистского течения в американском консервативном лагере. Почему вообще возник вопрос о политической идентификации Фонте? Объясняется это тем, что на страницах его объемного труда не фигурирует само понятие «консерватизм», а прилагательное «консервативный» встречается всего лишь несколько раз, причем в не очень выразительном контексте.

Разгадка заключена в интерпретации понятия «либерализм». «*Либерализм* (в традиционном смысле), *конституционализм* или *конституциональный либерализм*, – пишет Фонте, – означают упор на индивидуальные права, включая свободу слова, свободу прессы, свободу ассоциаций, религиозную свободу и ограниченное правительство, при котором правитель сдерживается конституцией и правовым порядком». И далее он развивает характерные принципы либерализма. «Традиционно либерализм означал поддержку свободного предпринимательства, частной собственности и правления закона. Что же касается конституционализма, то он означает также систему сдержек и противовесов применительно к государству и разделению властей» (с. 35). Нетрудно заметить, что фактически дается описание принципов классического традиционного либерализма, который как раз и является ядром системы либеральной демократии.

Дело в том, что по воле истории еще в XX столетии либерализм и консерватизм пережили основательную метаморфозу. Либерализм сдвинулся влево навстречу приближавшейся к нему социал-демократии, а классические либеральные позиции, которые отстаивает Фонте, оказались консервативными. К этому следует добавить американскую специфику. В США классические признаки либерализма восходят еще к отцам-основателям. В этой стране либеральная традиция не прерывалась с момента основания республики. Поэтому американский либерализм, можно сказать, покрылся патиной традиционности. Вообще это большая тема, требующая специального анализа. В данном случае она затронута в связи с необходимостью пояснить своего рода парадокс, когда о консерватизме речь идет без использования самого термина.

Важно отметить, что Фонте, говоря о специфике либеральной демократии, фактически выделяет признаки, свойственные как раз современному консерватизму, в особенности американскому. Для современного консерватизма основной противник – глобализированные элиты, а главная надежда современного консерватизма с точки зрения социального базиса связана со средним классом, изрядно страдающим от последствий глобализации. Именно в нем усиливаются консерватив-

но-популистские настроения. В среднем классе европейских стран Фонте видит силу, способную оказать сопротивление «брюссельским бюрократам». Это побуждает его вспомнить о «средней Англии», которая была всегда «душой торийской партии». Возлагает надежды он и на «немецкий средний класс» (с. 354).

Возможно, предпочтение, отданное термину «либеральная демократия», обусловлено стремлением показать, что партия глобального правления, сражаясь против «либеральной демократии», не борется с архаическим консерватизмом, а подрывает основы западной цивилизации.

Книга Фонте является прежде всего ценным источником, в котором находят своеобразное отражение геополитические, правовые, культурные аспекты внутрицивилизационных и межцивилизационных конфликтов современности. Тот факт, что книга написана с консервативных политико-философских позиций, существенным образом повлиял на отношение автора к процессу глобализации. У Фонте в отличие от либералов глобализация – не решение проблем современности и будущего, скорее сама глобализация – это неразрешимая проблема. Как и положено консерватору, взгляд Фонте далек от оптимизма. Однако, несмотря на явно ощущаемое чувство тревоги, его труд все же не проникнут апокалипсическим духом.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.10.2012

PHILADELPHIAN SOVEREIGNTY AGAINST GLOBAL GOVERNANCE

P. Yu. Rakhshmir

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
modhist@yandex.ru

The author reviews the book by John Fonte which is devoted to the conflict between the supporters of Philadelphian sovereignty, which is the model of the USA, and the champions of global governance (European Union acts as a model of it). This conflict is a serious threat to liberal democracy and Western civilization as a whole, since it is essential for US-European relations.

Fonte John. Sovereignty or Submission: Will Americans Rule Themselves or Be Ruled by Others? New-York: Encounter Books, 2011, 449 p.

Key words: the United States, European Union, global governance, Philadelphian sovereignty, liberal democracy.